

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

Исаак Башевис
ЗИНГЕР

ВРАГИ. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

18+

Этот удивительный, яркий роман погружает читателя
в необычное состояние, где-то между смехом и слезами.

THE NEW YORK TIMES

Большой роман (Аттикус)

Исаак Башевис Зингер
Враги. История любви

«Азбука»

1966

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Зингер И.

Враги. История любви / И. Зингер — «Азбука»,
1966 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33929-3

Герману Бродеру чудом удалось спастись во время Второй мировой. Польская крестьянка Ядвига, бывшая служанка в доме у Германа, несколько лет прятала его на чердаке. После окончания войны Герман, узнав, что его жену и детей расстреляли немцы, вместе с Ядвигой эмигрировал в Америку и взял ее в жены. Теперь он живет в еврейском квартале Нью-Йорка, занимается писательством и встречается с любовницей, также чудом пережившей холокост. С каждым днем Герман все больше запутывается в своих воспоминаниях и любовных отношениях, все хуже ориентируется в окружающей действительности. Высшие силы словно вознамерились довести этого человека до последней черты... И прошлое, которое, казалось бы, исчезло навсегда, вновь возвращается к жизни. Роман «Враги. История любви» – одно из самых известных произведений Исаака Башевиса Зингера (1902–1991), автора романа «Шоша», лауреата Нобелевской премии по литературе за «эмоциональное искусство повествования». В настоящем издании роман впервые выходит в блестящем переводе с английского Александры Глебовской.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33929-3

© Зингер И., 1966

© Азбука, 1966

Содержание

Примечание автора	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Исаак Башевис Зингер

Враги. История любви

Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Isaak Bashevis Singer

ENEMIES, A LOVE STORY

Copyright © Isaac Bashevis Singer, 1966

All rights reserved

© А. В. Глебовская, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Примечание автора

Хотя я и был лишен привилегии пережить гитлеровский холокост, я много лет общался в Нью-Йорке с теми, на чью долю выпало это испытание. Посему спешу сообщить, что роман этот – никакая не история типичного беженца, его жизни и переживаний. В этой книге, как и почти во всех моих художественных произведениях, представлен исключительный случай, где уникальны и персонажи, и ход событий. Ее герои – не только жертвы нацизма, но и жертвы собственных характеров и судеб. Если они и встраиваются в общую картину, то лишь потому, что любое исключение подтверждает правило. Строго говоря, в литературе исключение и есть правило.

Впервые этот роман был опубликован в 1966 году на идише в еврейской ежедневной газете «Вперед».

И. Б. З.

Часть первая

Глава первая

1

Герман Бродер перевернулся с боку на бок и открыл один глаз. Все еще не до конца проснувшись, он пытался сообразить, где он – в Америке, в Цевкуве или в немецком лагере. На миг даже показалось, что он прячется на сеновале в Липске. Порой все эти места сливались в его сознании воедино. Он знал, что находится в Бруклине, но слышал крики нацистов. Они тыкали в сено штыками, а он лишь зарывался глубже. Клинок штыка коснулся его головы.

Чтобы полностью проснуться, нужно было совершить над собой усилие. «Довольно!» – сказал Герман самому себе и сел в постели. Стояло позднее утро. Ядвига уже давно оделась. Он увидел собственное отражение в зеркале напротив кровати – осунувшееся лицо, немногочисленные сохранившиеся прядки, когда-то рыжие, теперь желтоватые с проседью. Голубые глаза – взгляд одновременно и пронизательный, и мягкий, кустистые брови, узкий нос, впалые щеки, тонкие губы.

Герман всегда просыпался встрепанным и расхристанным, как будто всю ночь с кем-то боролся. В то утро, помимо прочего, он обнаружил на лбу темный синяк. Дотронулся до него. «Что это?» – спросил он себя. Может, след от того приснившегося штыка? Мысль эта вызвала улыбку. Скорее всего, он ударился об угол двери шкафа, когда ходил ночью в уборную.

– Ядвига! – окликнул он сонно.

Ядвига возникла в дверном проеме. Розовощекая полячка с курносом носом и светлыми глазами; льняного цвета волосы собраны сзади в узел и сколоты одной шпилькой. У нее были высокие скулы и полная нижняя губа. В одной руке она держала метлу, в другой леечку. На ней было платье с узором из красных и зеленых квадратов – для этой страны необычным, на ногах поношенные домашние туфли.

После войны Ядвига год провела вместе с Германом в немецком лагере, в Америке прожила уже три года, но сохранила неискренность и застенчивость польской деревенской девушки. Косметикой не пользовалась. По-английски выучила лишь несколько слов. Герману даже казалось, что на ее теле сохранились запахи Липска – в постели от нее пахло ромашкой. Из кухни тянуло вареной свеклой, молодой картошкой, укропом и чем-то еще – земляным и летним; чем именно, Герман сообразить не мог, но этот аромат воскрешал воспоминания о Липске.

Ядвига посмотрела на него с добродушным упреком и покачала головой.

– Как ты заспался, – сказала она. – Я белье перестирала, по магазинам ходила. Сама позавтракала, но могу позавтракать и еще раз.

Ядвига говорила на деревенском польском. Герман отвечал ей по-польски, а иногда на идише, которого она не понимала; в речь свою он специально вставлял цитаты из Торы на священном языке, а иногда, под настроение, фразы из Талмуда. Она неизменно его слушала.

– Который час, шикса?¹ – спросил он.

– Почти десять.

¹ На идише это слово обозначает девушку или женщину-нееврейку и имеет пренебрежительный оттенок. – *Здесь и далее примеч. ред.*

- Ладно, буду одеваться.
- Чаю выпьешь?
- Нет, не надо.
- Босиком не ходи. Сейчас туфли принесу. Я их начистила.
- Опять начистила? Кто чистит домашние туфли?
- Они ж пересохли.

Герман передернул плечами:

- И чем ты их чистила? Дегтем? Как липской крестьянкой была, так и осталась.

Ядвига подошла к одежному шкафу, вытащила его халат и домашние туфли.

Она была его женой, соседи называли ее миссис Бродер, но с мужем она по-прежнему вела себя так же, как в былые времена в Цевкуве, когда находилась в услужении у его отца реб Шмуэля-Лейба Бродера. Вся семья Германа сгинула в холокосте. Сам он уцелел, потому что Ядвига спрятала его на сеновале в своем родном Липске. О тайнике не знала даже ее собственная мать. В 1945-м, после освобождения, Герман услышал от очевидца, что его жену Тамару расстреляли, а детей у нее забрали и уничтожили. Они с Ядвигой отправились в Германию, в лагерь для перемещенных лиц, а позднее, получив американскую визу, он вступил с ней в гражданский светский брак. Ядвига готова была принять еврейскую веру, но он не считал нужным обременять ее религией, обряды которой и сам давно не соблюдал.

Медленный, полный опасностей путь в Германию, путешествие по морю в Галифакс, поездка на автобусе в Нью-Йорк так ошарашили Ядвигу, что она до сих пор боялась одна ездить в метро. От дома, где жила, она никогда не удалялась дальше чем на несколько кварталов. Да у нее и не было в том нужды. На Мермейд-авеню продавали все необходимое – хлеб, фрукты, зелень, кошерное мясо (свинины Герман не ел); иногда Ядвига приобретала платье или пару обуви.

В те дни, когда Герман оставался дома, они с Ядвигой иногда шли вместе погулять по набережной. Он постоянно ей напоминал, что нет нужды так за него цепляться, никуда он от нее не убежит, – но Ядвига крепко держала его за локоть. Ее оглушали шум и гам, перед глазами все тряслось и вибрировало. Соседи приглашали ее съездить с ними на пляж, но после перехода через океан Ядвига страшно его боялась. От одного вида плещущих волн ее начинало мутить.

Иногда Герман возил Ядвигу в кафетерий на Брайтон-Бич, но она никак не могла привыкнуть к поездкам, которые с оглушительным ревом мчались по линии L, к визгу автомобилей, снующих туда-сюда, к толпам людей на улицах. Герман купил ей медальон, в котором лежал клочок бумаги, а на нем были написаны ее имя и адрес на случай, если она потеряется, но и это Ядвигу не утешало: она не верила ни во что письменное.

Перемены в жизни Ядвиги представлялись высшей справедливостью. До того Герман полностью зависел от нее на протяжении трех лет. Она приносила ему на сеновал еду и воду, выносила помои. Если ее сестра Марьяна собиралась слазать за сеном, Ядвига первой карабкалась по лестнице и приказывала Герману зарыться поглубже – в нору, которую он себе там обустроил. Летом, когда заготавливали свежее сено, Ядвига прятала Германа в погребке. Она подвергала опасности мать и сестру: если бы нацисты узнали, что у них в сарае скрывается еврей, расстреляли бы всех трех женщин, а возможно, сожгли бы и всю деревню.

Теперь Ядвига проживала на одном из верхних этажей многоквартирного дома в Бруклине. У нее имелись две роскошные комнаты, прихожая, ванная, кухня с холодильником, газовой плитой, электричество и даже телефон, по которому Герман ей звонил, когда уезжал по делам – продавать книги. Ему случалось оказаться очень далеко, но голос его оставался с ней рядом. Иногда, в хорошем настроении, он пел по телефону ее любимую песенку:

Если родится у нас сынок,

Слава тебе, Господь!
Ты б с колыбелькою нам помог,
Слава тебе, Господь!
В снегу посреди двора
Прорыта большая дыра,
Спи там, сыночек, не замерзай,
А мы споем тебе баю-бай.

Если родится у нас сынок,
Милостив будь, Господь!
Ты б спеленать его нам помог,
Милостив будь, Господь!
В твой фартук двойной,
В мой шарф шерстяной
Сыночка мы с тобой завернем,
И холод будет ему нипочем².

Песенка оставалась лишь песенкой: Герман следил, чтобы Ядвига не забеременела. В мире, где детей отбирают у матери и расстреливают, нет у человека права заводить новых. Что касается Ядвиги, квартира, куда ее поселил Герман, заменяла ей детей. Она напоминала ей заколдованный дворец из сказок, которые рассказывали деревенские старухи, когда пряли лен или щипали пух на подушки. Нажала кнопку на стене – стало светло. Из кранов течет горячая и холодная вода. Повернула ручку – вспыхнул огонь, на котором можно готовить. Есть ванна, купайся хоть каждый день, и никаких тебе блох и вшей. А радио! Утром и вечером Герман настраивал его на станцию, вещавшую по-польски, и комнату наполняли польские песни, польки, мазурки, по воскресеньям священник читал проповедь, можно было послушать новости из Польши, оказавшейся в руках у большевиков.

Ядвига грамоты не знала, Герман составлял за нее письма матери и сестре. Когда приходил ответ, написанный рукой деревенского учителя, Герман читал его жене. Иногда Марьяна вкладывала в конверт зернышко, сучок яблони с листиком или цветочек – привет из Липска в недостижимую Америку.

Да, в этой далекой стране Герман был Ядвиге мужем, братом, отцом, Богом. Она любила Германа, еще когда служила у его отца в доме. Живя с ним на чужбине, она поняла, что совершенно правильно оценивала его ум и деловую хватку. Он чего только не умел – ездить на поездах и автобусах, читать книги и газеты, зарабатывать деньги. Если ей что-то требовалось в хозяйстве, достаточно было ему сказать – и он сразу все приносил сам или присылал с курьером. Ядвига, как он ее научил, подписывала свое имя тремя кружочками.

Однажды, 17 мая, в день ее именин, Герман принес двух попугайчиков: желтенького самца и синенькую самочку. Ядвига назвала их Войтушем и Марьяной, в честь любимых отца и сестры. С матерью отношения у нее всегда были натянутые. Когда отец умер, мать снова вышла замуж, а отчим поколачивал падчериц. Из-за него Ядвиге пришлось уйти в услужение к евреям.

Если бы Герман почаще оставался дома или хотя бы всегда приходил ночевать, Ядвига считала бы себя совершенно счастливой. Но он зарабатывал тем, что колесил по стране и продавал книги. Когда он уезжал, Ядвига запирала дверь на цепочку – от грабителей и докучных соседей. Старухи, жившие в том же доме, разговаривали с ней на смеси русского, английского и идиша. Лезли в ее дела, интересовались, откуда она родом, чем занимается ее муж. Герман

² Перевод с идиша А. Глебовской.

предупредил: говори им как можно меньше. Научил произносить по-английски: «Простите, мне сейчас некогда».

2

Пока наливалась ванна, Герман брился. Борода у него росла быстро. Лицо за ночь делалось колючим, как терка. Он стоял перед зеркалом аптечного шкафчика – тщедушный, немного выше среднего роста, на тощей груди кустики волос, будто на диване или кресле с продранной обшивкой. Ел он сколько влезет, но веса не набирал. Из-под кожи выпирали ребра, под ключицами зияли провалы. Кадык двигался вверх-вниз, будто по собственной воле. Вид у Германа был всегда утомленный. Он стоял, а в голове роились фантазии. Нацисты снова пришли к власти и оккупировали Нью-Йорк. Герман прячется от них здесь, в ванной. Ядвига заштукатурила и покрасила дверь, чтобы она сливалась со стеной.

«Где я буду сидеть? Здесь, на унитазе. Спать можно в ванне. Нет, коротковата». Герман рассмотрел кафельный пол, прикидывая, хватит ли места вытянуться во весь рост. Даже если лечь по диагонали, придется подтягивать колени. Ну, здесь хотя бы есть свет и воздух. Окно ванной выходило в небольшой дворик.

Герман начал подсчитывать, сколько еды должна будет ему ежедневно приносить Ядвига, чтобы он выжил: две-три картофелины, ломоть хлеба, кусочек сыра, ложку подсолнечного масла, время от времени витаминную таблетку. Стоить это будет не больше доллара в неделю – максимум полтора. Он запасется книгами, писчей бумагой. По сравнению с сеновалом в Липске просто роскошь. Под рукой он будет держать заряженный револьвер, а может, даже и пулемет. Когда нацисты обнаружат укрытие и придут его арестовывать, он встретит их очередь, а последнюю пулю оставит себе.

Ванна наполнилась почти до краев; вокруг закружил пар. Герман поспешно завернул оба крана. Грезы в последнее время приобрели навязчивый характер.

Едва он залез в ванну, Ядвига открыла дверь.

– Вот, держи мыло.

– У меня еще остался кусочек.

– Это душистое. Понюхай. Три куса за десять центов.

Ядвига сама понюхала брусок мыла, потом протянула мужу. Ладони у нее остались шершавыми, крестьянскими. В Липске она выполняла мужскую работу. Сеяла, косила, молотила, сажала картошку, даже пилила и колола дрова. Бруклинские соседки постоянно дарили ей всякие лосьоны для смягчения кожи, но руки оставались мозолистыми, как у батрака. Икры у нее были мускулистыми, твердыми как камень. Все остальные части тела – женственными, гладкими. Грудь – полными и белыми, бедра – округлыми. Выглядела она моложе своих тридцати трех лет.

С рассвета и до отхода ко сну Ядвига не отдыхала ни секунды. Всегда находила себе дело. Квартира их располагалась неподалеку от океана, но в открытые окна все равно приносило пыль, поэтому Ядвига весь день мыла, скребла, натирала и драила. Герман вспоминал, как его мать когда-то хвалила ее за трудолюбие.

– Давай я тебя намылю, – предложила Ядвига.

На самом деле ему хотелось побыть одному. Он еще не до конца придумал, как будет здесь, в Бруклине, прятаться от нацистов. Например, окно придется замаскировать, чтобы немцы его не заметили. Но как?

Ядвига стала намывать ему спину, предплечья, ягодицы. Он отвалил ее от желания завести детей, и теперь она держала его за ребенка. Ласкала, играла с ним. Каждый раз, когда он уезжал, она боялась, что он не вернется – заплутает на просторах этой огромной Америки.

Каждое его возвращение она воспринимала как чудо. Сегодня Ядвига знала, что он едет в Филадельфию и останется там на ночь – но они хотя бы позавтракают вместе.

Из кухни плыл аромат кофе и испекшегося хлеба. Ядвига научилась делать рогалики с маком, какие когда-то пекли в Цевкуве. Она баловала мужа всевозможными лакомствами, готовила его любимые блюда: клецки, шарики из мацы к борщу, перловку на молоке, кашу с мясной подливой.

Каждое утро его ждали отглаженная рубашка, исподнее, носки. Ядвига стремилась делать для него очень много, ему же требовалось очень мало. В отлучке он проводил больше времени, чем дома. Ее же не покидала жгучая потребность с ним разговаривать.

– Когда поезд уходит? – спросила она.

– Что? В два.

– Ты вчера сказал в три.

– Сразу после двух.

– А где этот город?

– Ты про Филадельфию? В Америке. Где еще ему быть?

– Далеко?

– От Липска далеко, отсюда несколько часов на поезде.

– Откуда ты знаешь, что там захотят купить твои книги?

Герман задумался.

– А я и не знаю. Пытаюсь искать покупателей.

– А чего ты здесь не продаешь? Здесь же куча народу.

– Ты имеешь в виду на Кони-Айленде? Сюда приезжают есть попкорн, а не читать книги.

– Что это за книги?

– Да самые разные: как строить мосты, как похудеть, как управлять государством. Есть книги с песнями, сказками, пьесами, есть биография Гитлера...

Лицо Ядвиги посерьезнело.

– Про эту свинью пишут книги?

– Про всех свиней пишут книги.

– Да уж. – И Ядвига ушла на кухню.

Герман вскоре за ней последовал.

Ядвига открыла дверцу клетки, выпустила попугаев полетать по комнате. Желтенький Войтуш уселся Герману на плечо. Он любил поклевывать хозяйину мочку уха и собирать крошки у него с губы или кончика языка. Ядвига удивилась, насколько моложе, свежее и счастливее Герман выглядит, приняв ванну и побрившись.

Она поставила на стол горячие булочки, черный каравай, омлет и кофе со сливками. Старалась кормить мужа как следует, но ел он плохо. Откусил кусок булочки, отложил ее в сторону. Омлет только попробовал. Да, желудок у него сжался в годы войны, но Ядвига помнила, что он всегда ел очень умеренно. Мать его каждый раз с ним препиралась на этот счет, когда он приезжал домой из Варшавы, где учился в университете.

Ядвига озабоченно покачала головой. Герман глотал, не жуя. До двух еще оставалась куча времени, но он все время поглядывал на часы. Сидел на кончике стула, будто готовый вскочить в любой момент. Взгляд был устремлен куда-то за стену.

Потом он вдруг встряхнулся и сказал:

– Ужинать я сегодня буду в Филадельфии.

– С кем? Один?

Он заговорил с Ядвигой на идише:

– Один. То есть это ты так думаешь. Я буду ужинать с царицей Савской! Я такой же книгопродавец, как ты – жена папы римского. Этот процелыга-рабби, на которого я работаю... но

не будь его, мы бы с тобой подышали с голоду. А эта женщина из Бронкса – вообще настоящий сфинкс. Сам удивляюсь, как вы трое до сих пор не свели меня с ума. Пиф-паф!

– Говори, чтобы я понимала!

– А что ты хочешь понять? «Во многой мудрости много печали», – рек Екклесиаст. Истина еще всплывет – не сейчас, так в будущей жизни, при условии, что от наших чахленьких душ хоть что-то останется. Если нет, придется обойтись без истины...

– Еще кофе?

– Да, еще кофе.

– Что там в газете пишут?

– Пишут, что мир заключили, но это ненадолго. Скоро эти буйволы опять полезут на рожон. Им никогда не надоедает.

– Где полезут?

– В Корею, в Китае... повсюду.

– По радио говорят, что Гитлер жив.

– Даже если один Гитлер помер, еще миллион метит на его место.

Ядвига помолчала. Оперлась на метлу. Потом сказала:

– Соседка – которая с седыми волосами и живет на первом этаже – говорит, что я могу зарабатывать двадцать пять долларов в неделю на фабрике.

– Хочешь пойти работать?

– Мне скучно одной дома. Но все фабрики очень далеко. Были б поближе, пошла бы.

– В Нью-Йорке все далеко. Любо ездишь подземкой, либо сидишь, как пришитая.

– Я английского не знаю.

– Можешь пойти на курсы. Если хочешь, я тебя запишу.

– Та старуха сказала – кто не знает алфавит, не берут.

– Я тебя научу.

– Когда? Тебя вечно дома нет.

Герман знал: это правда. В ее возрасте учиться трудно. Всякий раз, рисуя три кружочка вместо подписи, она заливалась краской и потела. Ей с трудом удавалось произносить даже самые простые английские слова.

Обычно Герман понимал ее польское просторечие, но по ночам, в порыве страсти, она иногда начинала лопотать что-то совершенно ему непонятное – никогда он раньше не слышал таких слов и выражений. Может, то была речь древних сельских племен, еще из языческой эпохи? Герман давно сообразил, что в мозгу хранится много такого, чего за один жизненный срок не соберешь. Гены помнят стародавние времена. Даже Войтуш и Марьяна, похоже, владели языком, унаследованным от многих поколений попугаев. Они явно умели поддерживать беседу, а то, как вдруг оба сразу устремлялись в одном направлении, говорило о том, что птицы читали мысли друг друга.

Герман же и для самого себя оставался загадкой. Он постоянно ввязывался в какие-то безумные передраги. Мошенник, вероотступник – да еще и лицемер. Проповеди, которые он писал для рабби Лемперта, были позором и насмешкой.

Герман поднялся, подошел к окну. В нескольких кварталах вздымались океанские волны. С набережной и Серф-авеню долетали привычные звуки летнего утра. А вот на улочке между Мермейд и Нептун-авеню стояла тишина. Дул легкий ветерок: деревьев здесь росло мало. В кронах щебетали птицы. Прилив принес запахи рыбы и чего-то невнятного – вроде как гнили. Герман высунул голову из окна и увидел старые затонувшие суда, брошенные в заливе. К склизким бортам присосались всякие закованные в панцирь существа – то ли живые, то ли погруженные в первобытный сон.

Герман услышал, как Ядвига произнесла с укором:

– Кофе стынет. Садись-ка обратно за стол!

3

Герман вышел из квартиры, бегом спустился по лестнице. Если быстренько не исчезнуть, Ядвига может его окликнуть. Когда он уезжал из дома, она каждый раз прощалась с ним так, будто в Америке пришли к власти нацисты и жизнь его в опасности. Прижималась горячей щекой к его щеке, умоляла не попадать под машину, не забывать кушать, обязательно ей звонить. Лгнула к нему с собачьей преданностью. Герман ее часто поддразнивал, называл глупышкой, но ни на миг не забывал о том, скольким она ради него пожертвовала. Ядвига была столь же честной и прямолинейной, сколь он был коварен и лжив. И все равно не мог он сидеть с ней днем и ночью.

Герман с Ядвигой жили в старом доме. Здесь поселились многие бежавшие из Европы пары, которые нуждались в свежем воздухе для поправки здоровья. Они ходили молиться в маленькую синагогу поблизости, читали газеты на идише. В жаркие дни выносили на тротуар скамейки и складные стулья, усаживались в кружок, болтали о Старом Свете, о своих американских детях и внуках, о крахе 1929 года на Уолл-стрит, о целительных свойствах паровых ванн, витаминов и минеральных источников в Саратога-Спрингс.

Германа иногда подмывало свести знакомство с кем-нибудь из этих евреев и их жен, но он вынужден был их избегать в силу сложных жизненных обстоятельств. Вот и сейчас он стремительно сбежал по шаткой лестнице и сразу же свернул направо – прежде чем кто-то из них успеет его перехватить. Он опаздывал на работу к рабби Лемперту.

Контора, где трудился Герман, находилась в здании на Двадцать третьей улице, рядом с Четвертой авеню. К станции подземки на Стилвелл-авеню он мог пройти по Мермейд, Нептун или Серф-авеню, а мог по набережной. У каждого из маршрутов были свои достоинства, но сегодня он выбрал Мермейд-авеню. На этой улице царил восточноевропейский дух. На стенах домов все еще висели прошлогодние афиши, где анонсировались выступления канторов и раввинов и перечислялись цены мест на синагогальных скамьях во время осенних праздников. Из ресторанов и кафетериев пахло куриным супом, кашей, рубленой печенкой. В булочных продавали бейглы и яичное печенье, штрудели и пирожки с луком. Перед одной из лавок женщины вылавливали из бочек соленые огурцы.

Герман не мог похвастаться отменным аппетитом, но после голодных лет нацистской оккупации всегда воодушевлялся при виде пищи. Солнечный свет плясал по ящикам и корзинам с апельсинами, бананами, черешней, клубникой и помидорами. Здесь евреям позволено жить без всяких ограничений! И на улице, и в проулках мелькали вывески еврейских школ. Имелась даже школа на идише. Герман шагал вперед, а взгляд его выискивал укрытия на случай, если нацисты доберутся до Нью-Йорка. Где тут поблизости выкопать бункер? Можно ли спрятаться на шпиле католической церкви? Он никогда не был в партизанах, но теперь часто прикидывал, с какой позиции удобнее будет стрелять.

На Стилвелл-авеню Герман свернул направо, в лицо ударил горячий ветер, пропитанный сладким запахом попкорна. Зазывалы заманивали прохожих на представления и аттракционы. Тут были карусели, тир, медиумы, предлагавшие за пятьдесят центов вызвать духов умерших. У входа в метро какой-то итальянец с воспаленными глазами бил длинным ножом по железной штанге, раз за разом повторяя одно и то же слово – громко, так что оно вырывалось из общего гвалта. Он продавал сахарную вату и мягкое мороженое, которое таяло, как только его положат в рожок. На другой стороне набережной за копошением тел сверкал океан. Германа каждый раз изумляли насыщенность света, изобилие и свобода – при низкопробности всего вокруг.

Он спустился в подземку. Из поездов торопливо выходили пассажиры, в основном молодые. В Европе Герман никогда не видел на лицах такой дикости. Здесь молодежь, похоже, была одержима стремлением радоваться жизни. Парни бегали, вопили, бодались, как бараны.

Среди них было много темноглазых, низколобых, курчавых – итальянцы, греки, пуэрториканцы. Девушки, малорослые, с широкими бедрами и высокой грудью, держали в руках сумки с едой, одеяла, которые они расстелют на пляже, лосьон от загара и зонтики – защищаться от солнца. Они хихикали и жевали жвачку.

Герман поднялся по лестнице на линию L, скоро подошел поезд. Из открывшейся двери вагона пахло жаром. Гудели вентиляторы. Голые лампочки слепили глаза, на красном цементном полу валялись газеты и шелуха от арахиса. Полуголые чернокожие мальчишки начищали желающим обувь, встав у их ног на колени, будто поклоняясь древним кумирам.

На сиденье лежала оставленная кем-то газета на идише, Герман взял ее, просмотрел заголовки. Сталин заявил в интервью, что возможно сосуществование коммунизма и капитализма. В Китае продолжаются бои между красными и чанкайшистами. На внутренних полосах расписывались ужасы Майданека, Треблинки, Освенцима. Уцелевший очевидец рассказывал о трудовых лагерях на севере России. Герман думал, что давно невосприимчив к подобным ужасам. И все же каждый из них его потрясал. Статья заканчивалась обещанием, что в будущем возникнет система общественного устройства, основанная на равенстве и справедливости, тогда-то и излечатся все болячки мира.

«Вот как? Всё собираются чего-то лечить?» – Герман уронил газету на пол. Фразы вроде «лучший мир» и «светлое будущее» казались ему богохульствами, выведенными во прахе погибших. Клише о том, что жертвы были не напрасны, вызывало у него припадки гнева. «Но что я-то могу сделать? Я и сам творю зло».

Герман открыл портфель, вытащил рукопись, стал перечитывать, делая пометки. Работа у него была такая же нелепая, как и все, что с ним происходило. Он писал тексты для одного рабби. И тоже обещал «лучший мир» в райском саду.

Герман читал и морщился. Рабби торговал Богом, точно Терах³ идолами. Герман же видел для себя единственное оправдание: большинство из тех, кто слушал проповеди рабби и читал его статьи, тоже не были безупречными людьми. У современного иудаизма осталась единственная цель: подражание христианству.

Двери вагона открывались и закрывались, Герман каждый раз поднимал глаза. Наверняка по Нью-Йорку шастают нацисты. Союзники объявили амнистию трем четвертям «незначительных нацистов». Обещания покарать убийц изначально были ложью. Кто будет судить кого? Их правосудие – обман. У Германа не хватало храбрости покончить с собой, оставалось лишь закрыть глаза, заткнуть уши, отключить голову, жить жизнью червя.

На Юнион-сквер ему нужно было пересесть с экспресса на местный поезд и на нем доехать до Двадцать третьей улицы, но когда он поднял глаза, оказалось, что поезд уже остановился на Тридцать четвертой. Он перешел по лестнице на противоположную платформу и там пересел на поезд до центра. И снова пропустил свою остановку и проехал дальше, до Канал-стрит.

Эти ошибки на пересадках, положить куда-то вещь и забыть куда, привычка забредать не на ту улицу, терять рукопись, книгу, записную книжку – все это нависало над Германом, будто проклятие. Он вечно шарил по карманам в поисках чего-то. У него пропадали ручка и солнечные очки, бумажник исчезал без следа, собственный номер телефона стирался из памяти. Он мог купить зонтик и в тот же день его где-то оставить. Брал пару стирательных резинок и терял их за несколько часов. Иногда ему казалось, что его водит за нос какая-то мелкая нечисть. Наконец он добрался до конторы, расположенной в одном из принадлежащих рабби зданий.

³ Терах (Фарра) – персонаж Ветхого Завета, нечестивый идолопоклонник.

4

У рабби Мильтона Лемперта не было собственной паствы. Он публиковал статьи в израильских журналах на иврите и писал для англо-еврейских изданий в Англии и Америке. Подписал договоры на книги с несколькими издательствами. Его охотно приглашали читать лекции в общинных центрах и даже в университетах. Времени учиться и писать у рабби не оставалось. Он заработал целое состояние на недвижимости. Ему принадлежало полдюжина домов для престарелых, он настроил в Боро-Парке и Уильямсбурге множество многоквартирных домов, состоял партнером в фирме, заключавшей миллионные строительные подряды. У него имелась пожилая секретарша миссис Регал, которую он не увольнял, хотя работала она из рук вон плохо. С женой они одно время жили врозь, но недавно сошлись снова.

Работу, которую делал для него Герман, рабби называл «сбором материала». На деле Герман писал за рабби все его книги, статьи и речи. Писал на иврите или на идише, иногда переводил на английский, тогда их редактировал третий человек.

На рабби Лемперта Герман работал уже несколько лет. Рабби обладал самыми разнообразными свойствами: толстокожий, добродушный, сентиментальный, хитрый, жестокий, наивный. Ему случалось припомнить малоизвестный комментарий к «Шульхан арух»⁴, но ошибиться в цитате из Пятикнижия. Он скупал акции, играл в азартные игры, собирал деньги на всевозможные благотворительные начинания. Был он ростом за метр восемьдесят, с круглым животом, весил под сто двадцать килограммов. Любил поиграть в донжуана, но Герман скоро понял, что с женщинами у рабби не клеится. Он все ищет настоящую любовь и иногда выставляет себя на посмешище, предаваясь совершенно безнадежным ухаживаниям. Дошло до того, что как-то раз у отеля в Атлантик-Сити он получил по носу от разобитого мужа. Ему случалось тратить больше, чем зарабатывать – по крайней мере, так он писал в налоговой декларации. Спать он ложился в два часа ночи, вставал в семь утра. Поглощал огромные бифштексы, курил гаванские сигары, пил шампанское. У него сильно подсакивало давление, и врач регулярно предупреждал его об опасности сердечного приступа. Но рабби в свои шестьдесят четыре года оставался очень энергичным и носил прозвище Рабби Динамо-машина. Во время войны он служил армейским раввином и хвастался Герману чином полковника.

Стоило Герману переступить порог кабинета, зазвонил телефон. Он поднял трубку, и рабби тут же заорал на него густым басом:

– Да где вас носит? Вы сегодня должны были появиться с утра пораньше! Где моя речь для Атлантик-Сити? Вы что, забыли, что я еще должен ее просмотреть? А у меня и других дел по горло! И с какой радости вы переехали в дом без телефона? Если человек на меня работает, он должен быть на связи, а не сидеть, точно мышь в норе! Ох, вы еще совсем зеленый! Здесь Нью-Йорк, а не Цевкув! Америка – свободная страна, тут не нужно прятаться. Если только вы не мошенник и не черт знает что! Говорю в последний раз: заведите там, где живете, телефон, или нашему сотрудничеству конец. Погодите, я сейчас приду. Нужно сказать вам одну вещь. Сидите на месте!

Рабби Лемперт бросил трубку.

Герман принялся стремительно писать мелким почерком. Когда они с рабби только познакомились, он побоялся признаться ему в том, что женат на польской крестьянке. Сказал, что вдовец и снимает свободную комнату у бедного приятеля из Старого Света – тот портной, и у него нет телефона. Номер Германа в бруклинском справочнике значился под именем Ядвиги Прац.

⁴ *Шульхан арух* (букв. «Накрытый стол») – кодекс еврейских законов, касающихся домашнего уклада и бытовых практик, составленный в XVI веке рабби Йосефом Каро.

Рабби Лемперт не раз напрашивался к Герману в гости – в жилище этого портного. Рабби доставляло особое наслаждение ездить по бедным кварталам в своем «кадиллаке». Кроме того, ему нравилось видеть, какое впечатление производят его дородное тело и дорогая одежда. Еще он любил совершать благодеяния – находить работу нуждающимся, писать рекомендательные письма в благотворительные организации. Пока Герману удавалось отговаривать рабби от посещения его дома. Он ссылался на то, что портной очень стеснителен, после лагерей стал чрезвычайно нервным и вообще может не пустить рабби на порог. Чтобы еще сильнее умерить интерес рабби, Герман между делом упоминал, что жена у портного хромая, а детей нет. Лемперт предпочитал семейства, где имеются дочери.

Рабби повторял Герману раз за разом, что тому нужно сменить жилье. Как-то даже подыскал ему невесту. Кроме того, предлагал квартиру в одном из своих домов. Герман объяснял, что старый портной спас ему в Цевкуве жизнь и не протянет без тех нескольких долларов, которые Герман платит ему за постой. Одна ложь тянула за собой другую. В своих речах и статьях рабби выступал против смешанных браков. Герман неоднократно вынужден был развивать эту тему в опусах для патрона, предостерегая против связей с «врагами Израиля».

Как он мог осмысленным образом объяснить свои поступки? Он грешил против законов иудаизма, Америки и нравственности. Обманывал не только рабби, но и Машу. Но поступать иначе попросту не мог. Ядвига своей безропотной добротой наводила на него скуку: говорить с ней было все равно что с самим собой. Маша же была настолько непредсказуемой, упрямой и дерганой, что и ей он не мог сказать правду. Он убедил ее в том, что его жена фригидна, и торжественно поклялся, что, как только Маша разведется со своим мужем Леоном Торчине-ром, он избавится от Ядвиги.

Послышались тяжелые шаги, на пороге возник рабби. Он едва протиснулся в дверной проем: высокий, широкоплечий, краснолицый и толстогубый, с крючковатым носом и черными глазами навывкате. На нем был светлый костюм, желтые штiblеты, галстук с золотой вышивкой и жемчужной булавкой. Из рта торчала длинная сигара. Из-под панамы выбивались черные волосы с проседью. На запястьях поблескивали рубиновые запонки, на левой руке сиял бриллиантовый перстень-печатка.

Рабби вытащил сигару изо рта, стряхнул на пол пепел и заорал:

– Ага, вы только приступили к делу! А должны были закончить несколько дней назад. Я не могу вот так ждать до последней минуты. Что вы там накарябали? Уже вижу, что слишком длинно. Конференция раввинов – это вам не совет старейшин в Цевкуве! Это Америка, не Польша. И как там со статьей про Баал-Шема?⁵ Ее давно нужно было отправить в печать. Сроки поджимают! Не справляйтесь – так и скажите, я найду другого или сам наговорю в диктофон, а миссис Регал отпечатает!

– Все сегодня будет готово.

– Давайте то, что сделали, и продиктуйте наконец свой адрес. Вы где квартируете – в аду? В замке у Ашмедея?⁶ Я уже начинаю думать, что у вас есть жена и вы ее от меня прячете!

У Германа пересохло в горле.

– Когда б у меня была жена...

– Захотите – обзаведетесь. Я вам уже выбрал отличную женщину, но вы даже встречаться с ней отказываетесь. Чего вы боитесь? Силой вас никто под хупу⁷ не потащит. Так где вы там живете?

– Право же, это не важно.

⁵ *Израэль Баал-Шем-Тов* (Израэль бен Элиэзер; 1698–1760) – прославленный праведник, основатель хасидского движения в иудаизме.

⁶ *Ашмедай* (Асмодей) – злой дух, князь демонов.

⁷ *Хупа* — особый балдахин для свадебных церемоний.

– А я требую, чтобы вы мне сказали. Вот моя адресная книга. Ну?

Герман продиктовал адрес в Бронксе.

– Как этого вашего земляка звать?

– Джо Прац.

– Пратш. Странное имя. Как пишется? Я распорядюсь, чтобы к нему провели телефон, а счет прислали мне в контору.

– Не получится без его согласия.

– А ему-то что?

– Он пугается звонков. Ему лагерь вспоминается.

– У других беженцев есть телефоны. Поставьте у себя в комнате. Ему тоже будет удобнее. Если он больной человек, проще будет вызвать врача. Идиоты! Бестолочи! Вот почему у нас что ни год, то война, вот откуда взялся Гитлер! Я требую, чтобы вы шесть часов в день проводили в конторе – мы с вами так договаривались. Я плачу за нее аренду, мне это нужно для налогового вычета. Если контора постоянно заперта, это не контора. Мало мне от вас неприятностей?

Рабби Лемперт умолк ненадолго, а потом продолжил:

– Я хочу, чтобы мы с вами были друзьями, но вы почему-то сильно осложняете мне эту задачу. Я могу оказать вам немалую помощь, но вы захлопываете створки, точно устрица. Что за тайны вы храните за семью замками?

Герман ответил не сразу.

– Любой, переживший то, что пережил я, перестает быть частью этого мира, – наконец произнес он.

– Клише, пустые слова. Вы такая же часть этого мира, как и любой из нас. Да, вы тысячу раз оказывались в шаге от смерти, но пока вы живы, пока едите, ходите и, прошу прощения, посещаете уборную, вы такой же человек из плоти и крови, как любой другой. Я знаю сотни выживших в концентрационных лагерях, некоторых уже чуть ли не гнали в печь – а теперь они здесь, в Америке, водят машины, делают деньги. Человек либо в том мире, либо в этом. Стоять одной ногой на земле, а другой на небе не получится. Вы просто актерствуете. Вот только зачем? Уж с кем с кем, а со мной вы можете быть откровенны.

– Я откровенен.

– И что у вас не так? Вы больны?

– Нет. Не в обычном смысле.

– Может, вы импотент? Это все от нервов.

– Я не импотент.

– Тогда что? Ладно, не буду вам навязывать свою дружбу. Но сегодня зайду и распорядюсь, чтобы у вас установили телефон.

– Я вас очень прошу, подождите немного.

– Почему? Телефон не нацист и не людоед. Если у вас невроз, сходите к врачу. Или, может, вам нужен психоаналитик? Вы только не пугайтесь. Это не значит, что вы ненормальный. К психоаналитикам ходят очень почтенные люди. Одно время даже я ходил. У меня есть приятель, доктор Берховский из Варшавы. Если придете к нему по моей рекомендации, он с вас лишнего не возьмет.

– Рабби, я вас уверяю, что со мной все в порядке.

– Ага, в порядке. Моя жена тоже говорит, что с ней все в порядке, а с головой у нее плохо. Может включить плитку и уйти в магазин. Ставит ванну наливаясь и забывает в ней мочалку, а та забывает слив. Я сижу за письменным столом, гляжу – а на ковре лужа. Спрашиваю, зачем она это делает, а она впадает в истерику и начинает меня проклинать. Для этого и существуют психиатры – разбираться с проблемой прежде, чем ты дойдешь до состояния, когда тебя нужно класть в больницу.

– Да-да.

– А, пустые слова. Поглядим-ка, чего вы там написали.

Глава вторая

1

Герман только прикидывался, что разъезжает по стране и продает книги, – на самом деле ночи отлучки он проводил с Машей в Бронксе. В ее квартире у него была собственная комната. Маша много лет провела в гетто и концлагерях. Теперь работала кассиршей в кафетерии на Тремонт-авеню.

Машин отец, Мейер Блох, был сыном богача реб Мендла Блоха, владевшего недвижимостью в Варшаве и удостоившегося чести сидеть за столом у Александровского ребе⁸. Мейер говорил по-немецки, стал довольно известным писателем, покровительствовал искусствам. Из Варшавы он бежал еще до оккупации, но позже скончался от истощения и дизентерии в Казахстане. Маша, по настоянию матери, ортодоксальной еврейки, посещала школу Бейт-Иаков, потом училась в еврейско-польской гимназии в Варшаве. В войну мать ее, Шифру-Пуа, отправили в одно гетто, Машу – в другое. Снова они встретились только после освобождения, в Люблине в 1945 году.

Герман хотя и сам пережил гитлеровскую оккупацию, но так и не смог понять, как двум этим женщинам удалось уцелеть. Он почти три года прятался на сеновале. Этот провал в своей жизни он так и не смог заполнить. В то лето, когда нацисты вторглись в Польшу, он гостил у родителей в Цевкуве, а его жена Тамара с обоими детьми уехала к родным в курортный Наленчув, где у отца ее была вилла. Герман скрывался сперва в Цевкуве, потом у Ядвиги в Липске, его не гоняли на работу ни в гетто, ни в концлагере. Он слышал крики нацистов и клацанье их оружия, но ему не пришлось смотреть им в лицо. Он неделями не видел света дня. Глаза привыкли к темноте, руки и ноги онемели от неподвижности. Его кусали насекомые, крысы, полевки. Однажды у него началась лихорадка, Ядвига выхаживала его травами, которые собирала в полях, и водкой, которую воровала у матери. Герман мысленно сравнивал себя с мудрецом из Талмуда Хони Амеагелем, который, по легенде, проспал семьдесят лет, а проснувшись, обнаружил, что мир совершенно переменялся, и стал молиться о смерти.

С Машей и Шифрой-Пуа Герман познакомился в Германии. Маша была замужем за доктором Леоном Торчинером, ученым, который, по слухам, открыл или помог открыть какой-то новый витамин. В Германии Леон Торчинер весь день и полночи занимался тем, что играл в карты в компании контрабандистов. Он изъяснялся на цветистом польском и разбрасывался именами профессоров и названиями университетов, с которыми якобы был связан по работе. Жил он на то, что получал от «Джойнта»⁹, и на скромный Машин заработок – она чинила и перешивала одежду.

Маша, Шифра-Пуа и Леон Торчинер добрались до Америки раньше Германа. В Нью-Йорке Герман снова столкнулся с Машей. Поначалу он работал учителем в Талмуд-Торе¹⁰, потом корректором в небольшой типографии – там и познакомился с рабби. Маша к этому времени уже разъехалась с мужем, который, как оказалось, никогда не делал никаких открытий и не имел диплома врача. Он на тот момент состоял в любовниках у богатой старухи, вдовы торговца недвижимостью. Герман с Машей полюбили друг друга еще в Германии. Маша все твердила, что встречу с Германом ей нагадала цыганка. Цыганка описала его во всех подроб-

⁸ В хасидской традиции существуют разнообразные династии, названные, как правило, по месту их основания. Александровская династия была основана в XIX веке в Польше (в городе Александрув-Лудзки).

⁹ «Джойнт» – еврейская благотворительная организация, созданная в 1914 году в США.

¹⁰ Талмуд-Тора — еврейская благотворительная религиозная школа для мальчиков.

ностях и предупредила, что любовь эта принесет много боли и бед. Предсказывая Маше будущее, гадалка впала в транс и лишилась чувств.

И Герман, и его первая жена Тамара выросли в зажиточных семьях. Отец Тамары, реб Шагна Лурия, торговал лесом и совместно с мужем сестры владел стеклянным заводиком. У него родились две дочери, Тамара и Шева. Шева погибла в концлагере.

Герман был единственным ребенком. Его отец, реб Шмуэль-Лейб Бродер, последователь Гусятинского ребе, был состоятельным человеком и владел несколькими домами в Цевкуве. Он нанял раввина обучать Германа иудаизму и учителя-поляка – преподавать светские предметы. Реб Шмуэль-Лейб надеялся, что его единственный сын станет прогрессивным раввином. Мать Германа, выпускница немецкой гимназии в Лемберге, хотела, чтобы сын стал врачом. В девятнадцать лет Герман уехал в Варшаву, сдал выпускные экзамены и поступил в университет на философский факультет. Склонность к философии проявилась у него еще в отрочестве. Он перечитал все книги по философии, какие нашел в библиотеке Цевкува. В Варшаве, вопреки родительской воле, он женился на Тамаре, активной участнице левого движения, изучавшей биологию в Высшей школе. Они с самого начала уживались плохо. Герман, последователь Шопенгауэра, давно принял твердое решение не создавать семью и не приводить в мир новое поколение. Об этом он заранее сообщил Тамаре, однако она забеременела, отказалась делать аборт и, надавив на Германа через родных, вынудила его на ней жениться. Родился мальчик. Некоторое время Тамара была убежденной коммунисткой и даже собиралась переехать вместе с сыном в Советскую Россию. Потом она разочаровалась в коммунизме и вступила в партию «Поалей Цион»¹¹

¹¹ «Поалей Цион» – еврейская политическая партия, исповедующая принципы социализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.